

Неделя, 1983, авг., №35

Клуб книголюбов

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ВЕЛИКОЙ ПРОЗЫ

Сто лет прошло с того дня, как не стало **Ивана Сергеевича Тургенева**... Помянем его, поклонимся до земли. Он всегда был с нами. И был с нашими родителями, с нашими дедами. И будет с нашими детьми, внуками, правнуками. Присутствие его в нас прекрасно и деятельно. С ним познаем великую радость любви к родной земле, с ним учимся благородству, верности, самоотвержению, с ним открываем счастье любви. Мы нечасто задумываемся о том, как много обязаны ему, как много сделал он для нас, написав свои дивные книги. День памяти **Ивана Сергеевича Тургенева** — повод, чтобы задуматься. Книги его входят в школьную программу: нравственный опыт поколений велит детям читать, изучать их. Потому что поколения хотят видеть своих детей патриотами своей Родины, чистыми, благородными, честными людьми, в именно этому учит Тургенев.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд; тебе, вероятно, скучно станет — и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздобрь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-то в душу.

А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся — и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удачу, охоту к жизни почувствовал я.

И пускай надо мной кружит мой ястреб...

— Мы еще повоюем, черт возьми!

РУССКИЙ ЯЗЫК

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

ФРАЗА

Я боюсь, я избегаю фразы; но страх фразы — тоже претензия.

Так, между этими двумя иностранными словами, между претензией и фразой, так и катится и колеблется наша сложная жизнь.

ПРОСТОТА

Простота! простота! Тебя зовут свято... Но святость — не человеческое дело.

Смирение — вот это так. Оно попирает, оно побеждает гордыню. Но не забывай: в самом чувстве победы есть уже своя гордыня.

НА СНИМКАХ:

- И. С. Тургенев. Фотография 1879 г.
- Рисунки К. Рудакова и В. Свешникова к повести «Отцы и дети» и к роману «Рудин».

ЧТО Я БУДУ ДУМАТЬ?..

Что я буду думать тогда, когда мне придется умирать, — если я только буду в состоянии тогда думать?

Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал ее, продремал, не сумел вкусить от ее даров?

«Как? это уже смерть? Так скоро? Невозможно! Ведь я еще ничего не успел сделать... Я только собирался делать!»

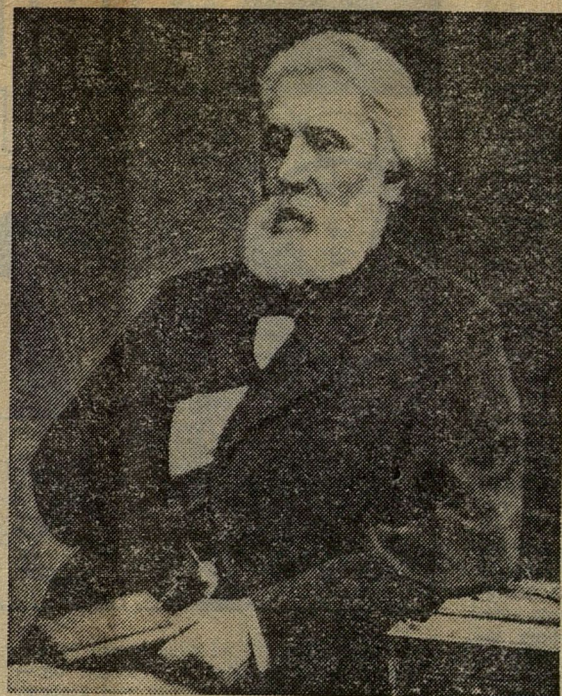
Буду ли я вспоминать о прошедшем, останавливаться мысленно на немногих светлых, прожитых мною мгновениях, на дорогих образах и лицах?

Предстанут ли моей памяти мои дурные дела — и найдет на мою душу жгучая тоска позднего раскаяния?

Буду ли я думать о том, что меня ожидает за гробом... да и ожидает ли меня там что-нибудь?

Нет... мне кажется, я буду стараться не думать — и насильно займусь каким-нибудь вздором, чтобы только отвлечь собственное мое внимание от грозного мрака, чернеющего впереди.

При мне один умирающий все жаловался на то, что не хотят дать ему погрызть каленых орешков... и только там, в глубине его потускневших глаз, билось и трепетало что-то, как пере-

шибленное крыло насмерть раненной птицы.

МЫ ЕЩЕ ПОВОЮЕМ!

Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека! Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге.

Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.

Я поднял голову... Передо мною,

между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила вдаль дорога.

И через нее, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьев, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!

Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикал, словно и черт ему не брат! Завоеватель — и полно!

891